

мическая и политическая самостоятельность регионов упрочила позиции периферийной печати; б) изменилась покупательная способность населения, вынужденного делать выбор в пользу одного-двух изданий, как правило, либо республиканского, либо городского, либо районного уровней; в) региональная пресса в пореформенный период стала для властных элит краев, областей, республик наиболее действенным информационным каналом влияния на местную аудиторию. По наблюдениям О. В. Курдибановского, среди всей массы возникших за последние десятилетия изданий доля общероссийских газет составила лишь 14,7 %, а региональных (областных, краевых, республиканских) – 57,8 %, городских и районных – 11,3 %, межрегиональных (имеющих область распространения в нескольких инфраструктурно соседствующих административных территориях) – 11,4 % [1, 69].

Отсюда следует, что «точки роста» на современном информационном поле Российского государства находятся не в Центре, а на Периферии – в краевых, областных, республиканских столицах. Помимо этого, в пореформенное время Россия трансформировалась в еще более множественное образование: следовательно, коммуникационные организации субъектов, входящих в состав федерации, заметно изменились, а инфраструктуры массово-информационных региональных подсистем приобрели более специфические характеристики, максимально обусловленные локальными условиями функционирования.

В настоящее время два взаимосвязанных между собой процесса – «регионализации» и «горизонтализации» отечественной журналистики – предопределяют функционирование периферийных СМИ как социокультурных и этноконтактных ресурсов развития республик Поволжья. Эти процессы во многом обуславливают:

- а) обеспечение социально-политического рейтинга административной территории на общественно-государственном уровне;
- б) повышение социальной активности массовой аудитории в пределах региональных административно-территориальных образований;
- в) поддержание национального менталитета проживающих в регионе этносов;
- г) создание позитивного информационного климата для комбинаторного приобщения экстерриториального населения к процессу развития этнически титульного региона.

Социально-технологические инновации, вызвавшие коренные изменения в структуре и функциях прессы Центра, а также в массмедийных подсистемах на Периферии, вызывают к жизни и другой процесс – фор-

мирование систематики многочисленных типов печатных СМИ, представляющих собой в новейшей истории страны самостоятельные звенья интегральной организации – общей (всероссийской) системы средств массовой информации. И в этой систематике прессы, функционирующей в современных условиях в периметрах отдельных республик, проявляются не только разноуровневые типологические и элементно-оформительские трансформации. Не меньшее значение имеют также и структурно-содержательные интерпретации медиатекстов – полифонических продуктов коммуникационных организаций.

Оба трансформационных аспекта современной журналистской деятельности – и медиаструктурный, и текстуально-морфологический – представляют собой сегодня уникальное явление в процессе всеобщей регионализации СМИ, требующее дальнейшего тщательного исследования российскими учеными.

1. Курдибановский О. В. Региональная и местная пресса: тенденции и стимулы развития // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Тез. межвуз. науч.-практ. конф. / Под ред. В. И. Конькова. – СПб.: Роза мира, 2005. – С. 69.

Ольга Балашевич

Белорусский государственный университет

СМИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ИНТЕГРАЦИЯ ДВУХ ГОСУДАРСТВ В ПРИЗМЕ МНЕНИЙ

«История интеграции – это меньше, чем изучение региона, но больше, чем изучение института. Меньше, чем вся история дипломатии, но больше, чем изучение отдельного государства», – полагает американский политолог Энн Дейтон. Для СМИ как инструмента влияния на общественное мнение характерен дифференцированный подход к вопросам белорусско-российской интеграции вообще и строительства Союзного государства в частности. Одно и то же издание может одновременно информационно поощрять экономические программы, принятые в рамках Союзного государства, и критиковать политическую либо бюрократическую составляющую интеграционного процесса. В целом это оправдано, если соблюдается принцип объективности. Однако разнополярность концепций СМИ приводит к тому, что в отдельных ситуациях конкретный факт получает диаметрально противоположную трактовку на страницах

бюджетнофинансируемых и частных изданий. Поляризация мнений привлекает внимание обывателя к теме создания Союзного государства и в то же время дезавуирует интеграционный процесс.

Белорусско-российская интеграция в ее декларированном варианте является многовекторной и предполагает наличие не только политических и экономических, но и социальных, культурных и внешнеполитических процессов, а также сотрудничество государств в сфере обеспечения национальной безопасности. Однако, как справедливо заметили неофункционалисты, интеграция не зарождается одновременно во всех сферах жизнедеятельности общества. Очевидность преимуществ интеграции в одной сфере приводит к «перетеканию» интегративного поведения в другие сферы общественной жизни.

Эта же тенденция доминирует в СМИ. Контент-анализ газет «Звезда», «Рэспубліка», «Известия», «Труд» и «Комсомольская правда» показал, что в 2003 году в 45,3 % всех публикаций на тему интеграции Беларуси и России раскрывалась политическая сторона интеграционного процесса. В то же время 37,7 % публикаций были посвящены экономической интеграции. В 2004 году публикации политико-экономической направленности составили 3/4 общего количества материалов интеграционной тематики, причем политический вектор преобладал уже на 16 %. В 2005 году совокупный приоритет политической и экономической сфер интеграции, отраженных в газетных публикациях, опять-таки составил 3/4, однако доминантным стало экономическое поле (38,6 %). Материалов о политической интеграции Беларуси и России было на 2,5 % меньше.

Статистика свидетельствует, что в настоящее время интеграционный процесс избилует политическими и экономическими информационными поводами. В то же время интеграция на социокультурном уровне не событийна и посему остается вне поля деятельности СМИ и, как следствие, вне сферы интереса и внимания читательской аудитории. У данного явления есть и обратная сторона. Мониторинги реальной читательской аудитории крупных СМИ показывают, что среднестатистический читатель отдает предпочтение публикациям развлекательно-информационного характера и не заостряет внимание на текстах о политике (если они лишены скандальности) и экономической аналитике. Последние относятся к серьезному (или интеллектуальному) чтению, а массовый читатель в большинстве случаев ориентирован не на чтение, а на чтение. Чтиво же информации об интеграционном процессе практически не содержит. Таким образом, среднестатистический читатель автоматически оказывается вне

информации о динамике интеграционного процесса и, как правило, обладает лишь фрагментарными знаниями по данному вопросу. Это свидетельствует о том, что интеграция в настоящее время находится на первичном уровне реализации и является областью столкновения интересов политических элит. Переход интеграции на второй уровень связан с практической многовекторностью и выделением социально ориентированной доминанты. Теоретически именно при достижении этого уровня в прессе произойдет переориентация тематических приоритетов.

В то же время даже в рамках политико-экономической сферы интеграционного тематического поля наблюдается тенденция упрощенной и односторонней подачи материалов. И информационные сообщения, и малочисленная аналитика вращаются вокруг нескольких доминирующих тем. Авторы обращаются к теме белорусско-российской интеграции только при наличии информационного повода, а между тем, интеграция как факт политической, экономической и культурной жизни общества сама по себе является глобальным информационным поводом, который требует всестороннего анализа. В ключе какой концепции будет развиваться интеграция Беларуси и России? Какой будет форма государственного устройства Союзного государства? Как будут соотноситься суверенитеты Беларуси и России с суверенитетом Союзного государства? Станет ли государственность Республики Беларусь составным элементом государственности нового территориально-политического образования или же государственность как признак останется собственной характеристикой Беларуси и России, а в отношении Союзного государства будет применяться другой термин? Каковы дальнейшие перспективы интеграции двух культур? К сожалению, эти и многие другие существенные вопросы в прессе практически не обсуждаются.

Определение границ влияния СМИ на динамику интеграционного процесса подразумевает, прежде всего, констатацию наличия или отсутствия обратной связи правящей политической элиты и народа посредством СМИ. Выбирая для освещения в изданиях факты определенного тематического поля, создавая ту или иную оценочную окраску информации, выделяя больше или меньше газетной площади и варьируя расположение публикаций в номере, средства массовой информации тем самым формируют статус темы. Преобладание информационных сообщений над аналитикой в интеграционном информационном поле приводит к тому, что читатель воспринимает интеграционный процесс как поток новостей. Казалось бы, это неплохо, однако узкий тематический диапазон порождает цикличность и даже откровенное дублирование фактов. По-

ток новостей становится однообразным, и поэтому перестает интересовать читателя. Автоматически падает рейтинговый статус темы.

Таким образом, на всех уровнях отражения в СМИ темы интеграции Беларуси и России наблюдается некоторая алогичность. Только баланс акцентов и кардинальный пересмотр качественно-количественных приоритетов изданий смогут обеспечить переход интеграции из сферы противоборства политических элит в сферу общественных интересов.

Валентина Галич

**Луганский национальный педагогический университет
имени Тараса Шевченко**

КОНФЛИКТ ХУДОЖНИКА И ВЛАСТИ В ПИСАТЕЛЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В истории развития мировой литературы, основанной на общечеловеческих ценностях гуманизма и прогресса, писатель всегда характеризовался как личность, наделенная высокоморальными качествами, олицетворяющая народ, умеющая видеть недостатки политической системы, предвидеть грядущее. В условиях советской действительности такое мышление было присущим выдающемуся украинскому писателю Олеся Гончару. Писатель и народ, писатель и власть, язык как знак культуры и исторической памяти народа, художник и экология – ведущие мотивы его публицистики. Общественная деятельность и журналистское творчество писателя дают немало примеров его взаимоотношений с властью.

В довоенное время Олеся Гончар, воспитанный на основах коммунистической идеологии, искренне верил в возможности построения справедливого общества, а потому, как и значительная часть населения СССР, доверял власти, ее руководству, а кричащие недостатки и преступления, в особенности кровавые репрессии сталинизма, готов был связать прежде всего с определенными просчетами руководства, вражеским окружением СССР, но не с несовершенством политической системы. Сомнения в правильности избранного государством пути у Гончара впервые проявились в годы Второй мировой войны, после перенесенных тяжелых ранений и фашистского плена, где ему пришлось познакомиться еще с одной властью. Познав на собственном опыте фашистскую идеологию, Олеся Гончар понял, что с ней он будет бороться всегда.

После войны Гончару пришлось столкнуться с советской номенклатурой, в частности с Л. Кагановичем, присланным Сталиным навести порядок в Украине. Впервые автор «Знаменосцев» увидел его во время совещания молодых литераторов Украины в Киеве в 1947 году, когда серьезные нападки в вульгарно-социологическом духе испытали Ю. Яновский, М. Рыльский, И. Сенченко. «Мы уважаем их за то, что они воспитывали нас», – довольно смело заявил тогда в своем выступлении молодой Гончар.

Отдельной страницей взаимоотношений писателя и власти есть его борьба против репрессий среди интеллигенции, которые начались в обществе сразу же после провала непродолжительной хрущевской «оттепели». В 1965 году впервые после сталинских чисток по Украине прокатилась волна массовых преследований среди патриотически настроенной молодежи. Репрессий испытали братья Горыни, А. Заливаха, М. Косив, М. Осадчий, И. Светличный. По поручению П. Шелеста была создана специальная комиссия, работать в которой Олеся Гончар решительно отказался: «Я был и остаюсь при той мысли, что репрессии не являются наилучшим способом решения идеологических вопросов», – заявил он. Стойкая позиция художника обеспокоила тогдашнее украинское руководство. Посыпались доносы на Олесья Гончара как руководителя Союза писателей Украины в Москву. Власть стремилась приручить, сделать своим непокорного литератора, используя разные, временами позорные методы. Отдельной страницей его деятельности были контакты с диссидентами. В конце 80-х гг. он активно выступал за реабилитацию деятелей украинской литературы, осужденных по политическим обвинениям (М. Руденко, В. Стуса, Е. Сверстюка, И. Светличного, И. Калинець, Ю. Бадзьо, Г. Снегирьова, Г. Кочура, В. Марченко), и довольно часто его авторитетные обращения к власти давали положительный результат.

Взаимоотношения Олесья Гончара и власти имеют еще одну плоскость. Это – борьба писателя за чистоту природной среды и сохранение духовных ценностей украинского народа. Олеся Гончар настойчиво обращался к разным партийным и государственным деятелям Украины и СССР, поднимая актуальные вопросы, которые касались защиты национальных святынь. В особенности острой и наступательной становится открытая критика власти Гончаром во второй половине 80-х гг., о чем свидетельствуют его публицистические произведения разных жанров («Жить по законам правды», «То откуда же взялась “звезда Польнь”?»), «Не остановить движение жизни»). Мотив защиты родного языка реализует мировоззренческую и гражданскую позиции писателя, освещает проблему художника и власти, эволюцию его взглядов на фоне обще-